

ПЕРВЫЕ ДУХОВНЫЕ ДЕЛА В ЕНИСЕЙСКОМ ОСТРОГЕ: К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ СВЕТСКОЙ И ДУХОВНОЙ ВЛАСТИ В СИБИРИ XVII СТОЛЕТИЯ

Рассматриваются два духовных дела, возникших в первое десятилетие существования Енисейского острога и являвшихся сопутствующими обвинениями в адрес воевод при объявлении на них «слова и дела государева». Первое духовное дело возникло в результате обвинения второго енисейского воеводы А. Ошанина во время его конфликта со служилыми людьми енисейского гарнизона. Вторая ситуация по обвинению А. Акинфова в ереси связана с межличностными отношениями енисейского воеводы и присланного из Тобольска десятильника Б. Матвеева.

Ключевые слова: Сибирь, «духовные дела», «слово и дело государево», воевода, служилые люди, Енисейский острог.

Исследователи, занимавшиеся изучением общественного сознания русского населения Сибири XVII в., отмечали определенную специфику взаимоотношений власти и общества, связывая это, в том числе, и с удаленностью от столицы вновь присоединенных к Русскому государству территорий [Александров, Покровский, 1991. С. 171].

В новой «государевой вотчине», где контроль со стороны государства осуществлялся еще слабо, у представителей местной администрации, в том числе у самих воевод, было предостаточно соблазнов и возможностей для злоупотреблений. Сопrotивлявшиеся этим злоупотреблениям выходы из различных социальных групп русского населения нередко обвиняли воевод в «государевом деле». Н. Н. Покровский, изучая сибирские материалы XVII–XVIII вв. по «слову и делу» государеву, отметил, что этот термин сначала «не только обозначал определенные категории политических преступлений, но и имел гораздо более широкое применение» [1988. С. 24].

Предлагаемые в настоящей статье к рассмотрению сюжеты по обвинениям воевод в государственных преступлениях в первые годы существования Енисейского острога

интересны тем, что они переплетаются с их обвинениями в духовных преступлениях.

Историки-сибиреведы обращали также внимание на то, что в Сибири в течение XVII в. наблюдалась эволюция форм взаимодействия духовной и светской судебных властей от координации своих действий до полного подчинения церкви самодержавию [Покровский, 1986. С. 146–147].

Первые духовные дела в Енисейском остроге как раз демонстрируют тесное взаимоотношение представителей светской и духовной власти в ситуациях, где обвинения воевод по «слову и делу» государеву переплетаются с их же обвинениями в духовных преступлениях.

В 1623 г. в Енисейский острог, где до этого времени несли службу во главе с приказчиками присылаемые из городов Западной Сибири годовальщики, прибыл первый воевода Яков Игнатьевич Хрипунов. Вместе с ним в остроге появился и первый постоянный гарнизон в количестве 100 человек. Естественно, что прибывшие в Енисейск на постоянное проживание служилые люди должны были сначала заняться обустройством места своего пребывания. Первым делом необходимо было отстроить

новые острожные стены, так как прежние, построенные в 1619 г. наспех, из непросушенного леса, изрядно подгнили¹. По всей видимости, на обновление острога ушел весь 1624 г.

В следующем же, 1625 г. население острога, состоявшее в основном из служилых людей, смогло обратиться к строительству собственного храма. В течение 1625 г. в Енисейском остроге была воздвигнута первая церковь – Введения Пречистой Богородицы. Сведений, когда она была освящена, не сохранилось, но известно, что в начале весны 1626 г. сменивший Я. Хрипунова еще в начале сентября 1625 г. новый воевода Андрей Леонтьевич Ошанин отправил в Москву отписку, в которой сообщал, что в построенном храме нет ни книг, ни икон, а службу ведет черный священник, по причине отсутствия белого². Одновременно с воеводской отпиской в Москву была отправлена подобного же содержания коллективная челобитная служилых людей енисейского гарнизона (документы получены в Москве 3 августа 1626 г.)³.

К этому же времени относится первое известное нам духовное дело, возникшее в Енисейском остроге. Известно о нем стало в результате Енисейского бунта, произошедшего в мае 1626 г., когда гарнизон острога выступил против воеводы А. Ошанина и его окружения [Покровский, 1988. С. 29–35; Бродников, 2005].

В ходе расследования, проведенного присланным из Тобольска сыном боярским Богданом Аршинским, стало известно, что кроме «обычных» злоупотреблений (незаконная скупка мехов у аборигенов, неуплата таможенных пошлин, продажа енисейским кыргызам огнестрельного оружия) енисейский воевода содействовал незаконному венчанию подьячего съезжей избы Максима Перфирьева с вдовой сотника Поздея Фирсова, утонувшего предыдущей зимой в р. Обь во время возвращения из Томска в Енисейск⁴.

Вскоре после отправки А. Ошаниным упомянутой выше отписки, в Енисейске появился второй священник – «белый поп» Кирилл Максимов. Но ключи от недавно

построенного Введенского храма все еще были у «черного попа» Тихона. К нему и обратился подьячий М. Перфирьев с просьбой обвенчать его с вдовой утонувшего сотника Аленой Андреевной. Тихон отказался выполнить обряд венчания, заявив, что у М. Перфирьева есть жена в Верхотурском городе, живая и здоровая. Вмешательство воеводы, выступившего на стороне своего подьячего, результата не принесло – Тихон продолжал отказываться совершать незаконные действия. За это воевода забрал у него церковные ключи и в последующем в храм не пускал⁵.

Обвинение это было высказано енисейскими служилыми людьми в челобитной, переданной в Тобольск воеводе кн. Андрею Андреевичу Хованскому в конце лета 1626 г., где шла речь о всяких злоупотреблениях и «нерадении государеву интересу» со стороны А. Ошанина. Тобольский воевода тут же сообщил в Москву о енисейских событиях и о предпринятых им мерах. О духовном деле князь Хованский сообщил архиепископу Макарию, который, в свою очередь, также сделал запрос в Москву о своих возможных действиях. Седьмого апреля 1627 г. из Москвы последовало распоряжение воеводам: как А. Ошанин прибывает в Тобольск и на него будут челобиться, то дать суд, а будет духовное дело – отослать его к архиепископу Макарию⁶. Челобитные же на Ошанина стали поступать с того времени, как в Енисейский острог прибыли отправленные из Тобольска сыщики.

Восемнадцатого октября 1626 г. в Тобольск, где к тому времени воеводу А. Хованского уже сменил другой воевода – боярин кн. Алексей Никитич Трубецкой, прибыла из Енисейского острога группа служилых людей, сопровождавших в Москву «соболиную казну». Среди них оказались активные участники майских событий, которых тобольская администрация подвергла очередному допросу⁷. По духовному делу выяснилось, что обряд венчания все же был проведен, но белым священником Кириллом, который вынужден был на это согласиться, подвергаясь угрозам со стороны А. Ошанина.

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 350–351.

² Там же. Стб. 6. Л. 42–43.

³ Там же. Л. 44–60.

⁴ Там же. Стб. 12. Л. 91.

⁵ Там же. Л. 69.

⁶ Там же. Стб. 16. Л. 361.

⁷ Там же. Стб. 11. Л. 63 – 66 об.

Осенью же 1626 г. выяснилось, что на А. Ошанина можно заводить еще одно духовное дело. Как сообщил в Тобольске архиепископу Макарию один из челобитчиков Иван Обухов, когда А. Ошанин еще ехал к месту своей службы в Енисейский острог, он увез из Тюмени у государева крестьянина Медведка сноху Катерину Андреевну и продал ее в Енисейске казаку Бухатку Иванову за 20 руб. Когда же тот казак через несколько месяцев пошел на промысел, то воевода вновь продал ее уже за 30 руб. другому казаку, Леонтию Кобылину, с которым она и сейчас живет «беззаконством» и «чреваста»⁸.

Для прояснения всей ситуации и тобольским воеводам, и архиепископу Макарию требовалось допросить А. Ошанина. Сменивший А. Ошанина к осени 1626 г. новый енисейский воевода Василий Алексеевич Аргамаков, вероятно, отпустил своего предшественника только после того, как разобрался на месте со всеми финансовыми проблемами. Поэтому А. Ошанин, видимо опасаясь зимнего пути, смог уехать из Енисейского острога лишь в конце весны 1627 г., после ледохода. По пути в Тобольск на р. Кеть он подвергся грабежу со стороны двигавшихся ему навстречу казаков из отряда А. Дубенского, которые были отправлены из главного города Сибири для строительства Красноярского острога [История Сибири, 1968. С. 141]. Поэтому бывший енисейский воевода был вынужден остановиться на зимовку в одном из острогов на р. Обь. В итоге А. Ошанин прибыл в Тобольск гораздо позже, чем предполагалось, только 26 июля 1628 г. В тот же день А. Трубецкой отослал его к архиепископу с подьячим Федором Ивановым⁹.

У архиепископа А. Ошанин изложил свою версию обеих ситуаций и подкрепил сказанное письменно, в виде собственной челобитной. По версии бывшего енисейского воеводы следовало, что к увозу в Енисейский острог снохи крестьянина Медведки он не имеет никакого отношения. В Тюмени эту Катеринку к нему на судно привел енисейский казак Федька Патрекеев. «А тово де он не ведает, чья дочь и мужняя ли жена или безмужняя», – объяснял А. Ошанин. Со своего судна он тогда велел ее прогнать («из-

бить»)), и добиралась она до Енисейского острога вместе с Ф. Патрекеевым. В Енисейском остроге указанным выше казакам бывший воевода ее «не продаывал» и «двадцати» и «тритцати рублей» у Булатки и у Левки за нее «не имывал». При этом подтвердил, что «тот де казак Левка Кобылин и ныне тое Катеринку держит у себя и беззаконством с нею живет и брюха её довалял». Что касается венчания М. Перфирьева с вдовой П. Фирсова, то здесь А. Ошанин, отрицая собственное участие во всем действии, обвинил белого священника Кирилла в банальной корысти, заявив, что «де он, поп, ведал, что у Максимка на Верхотурье жена жива, а взял де он у Максимка от молитвенья десять рублей денег, да десять четь з запасу». А в отношении черного священника никаких противоправных действий бывший енисейский воевода не совершал – «черного попа» Тихона «он, Ондрей Ошанин, не смиривал и ключей... церковных у него не отнимывал, а в церкву... его... пуцал»¹⁰.

В начале августа 1628 г. в Тобольск прибыл из Енисейского острога священник Кирилл. Однако сразу вызванный к архиепископу Макарию, 5 августа, тот утверждал обратное: «сказал по священству», что он действительно «молитвил» М. Перфирьева с вдовой П. Фирсова, но по приказу воеводы – «по его Ондрееву веленью, бояся ево Ондреева убойства». Особо отметил Кирилл, что в то время в Енисейске не было десятильника, а о проживавшей на Верхотурье жене подьячего он ничего не знал и оплату за «молитвенье» «не имывал».

В тот же день архиепископ устроил им с Ошаниным очную ставку. Бывший воевода добавил в расспросе еще некоторые факты: когда Максим сговорился с Оленкою жениться, то сделал с ней запись полюбовную, которую как-бы утвердил обвиняемый воеводой священник – а «поп Кирило у них им сват был и к той записи зговорной руку приложил». Кроме того, когда он, Кирилл, их «молитвил», то взял с Перфирьева запись «за его рукою», что взял от молитвы 10 рублей и 10 четей запасу, так как если жена Максима жива, то ему будет убыток¹¹ (какой убыток подразумевался, в источнике не сообщается. – А. Б.).

⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 68.

⁹ Там же. Стб. 16. Л. 361, 370.

¹⁰ Там же. Л. 371–372.

¹¹ Там же. Л. 372–373.

Так как оба участника очной ставки стояли на своем, то архиепископ решил прекратить дальнейшее разбирательство, аргументируя это тем, что нет возможности опросить других участников рассматриваемых ситуаций: М. Перфирьев в Тобольск не прислан, а тюменского пашенного крестьянина Медведка воеводы не сочли нужным доставить к нему для разбора дела. В итоге, 6 августа Макарий прислал бывшего енисейского воеводу обратно в тобольскую съезжую избу с дьяком Саввой Есиповым: в духовном деле архиепископ А. Ошанина простил¹². Надо полагать, что в сравнении с другими духовными делами, которые приходилось рассматривать в то время архиепископу Макарию, ситуация с воеводой А. Ошаниным выглядела не заслуживавшей большого внимания.

Не прошло и полугодия, как в Енисейске возникло еще одно духовное дело. Присланный в Енисейский острог архиепископом Макарием десятильник, софийский сын боярский Богдан Матвеев, в январе 1629 г. сказал на енисейского воеводу Василия Аргамакова «государево слово», обвинив его в том, что тот впал в ересь и претендует на царские почести: в съезжей избе «сидя по конец стола называетца государем и хочет царить и место в церкви устроил по-царски и по-царски ставитца». Таким образом, воевода Аргамаков сразу был обвинен и в духовном, и в политическом преступлении.

Двадцать пятого марта 1629 г. тобольский воевода А. Н. Трубецкой получил из Енисейского острога две отписки от воеводы «серебряной экспедиции» Я. Хрипунова, остановившегося там на зимовку перед походом на Ангару. Я. Хрипунов, как бы сохраняя нейтралитет, писал, что его извещал в Енисейске в съезжей избе в присутствии нескольких служилых людей из разных сибирских городов (но являвшихся участниками его «экспедиции») гулящий человек Сергушка Иванов о событиях, связанных с обвинением В. Аргамакова. Но одновременно в Тобольск была доставлена и отписка самого Аргамакова. Все три отписки доставил упомянутый С. Иванов. Таким образом, кн. Трубецкой имел возможность сопоставить две точки зрения на одно событие.

Восстановленная картина событий выглядит следующим образом. Десятого октября 1628 г. в Енисейск приехал из Маковского острожка от Я. Хрипунова серебряный плавильщик его экспедиции Ивашка Репа, который попытался заняться изготовлением фальшивых денег: «стал в одинокую избу и схотел делать воровские деньги». Для этого Репа хотел у избы поставить кузницу для плавки меди. В Маковском острожке к тому времени воровские деньги «его дела» уже объявились. В. Аргамаков для предотвращения незаконной деятельности И. Репы поставил к нему в избу енисейского служилого человека Гришку Ярославца, но Репа посланца воеводы «от себя выбил, чтобы ему воровские денги делать», а самого Аргамакова «за то лаял, позорил всякою неподобною лаею». Когда же в Енисейский острог приехал сам Я. Хрипунов, то вместо наведения порядка в своем «полку», наоборот, способствовал падению дисциплины у служилых людей: «...учал полку своего служивым людям давать варить пива и браги безъявочно». А И. Репа, «сходясь» со служилыми людьми «Яковлева полку», начал замышлять на В. Аргамакова разные «составные умыслы»¹³.

Восьмого января 1629 г. была «братчина пивная» у «подьячево у Максимка Перфирьева», который к тому времени был назначен подьячим к Я. Хрипунову и вышел из подчинения енисейского воеводы, и «в той братчине пил архиепископлъ сын боярской Бориско Матвеев». Его и «наговорили» И. Репа, М. Перфирьев со служилыми людьми по наущению Я. Хрипунова: «велели ево Василью лаеть всякою лаею». После чего Б. Матвеев, «напився в братине», по их наущению пошел в съезжую избу в вечерню и В. Аргамакова «заочно лаяли», «говорил непригожее слово, бутто он в съезжей избе сидя за столом называетца государем», а от кого он это слышал или «собою затеял», того не сказал. На следующий день Б. Матвеев в съезжей избе перед воеводой Аргамаковым в присутствии многих людей был спрошен, но все отрицал: ничего он не говорил и ничего не слышал. Аргамаков расспросные речи Матвеева и имена присутствующих за их подписями подклеил под своей отпиской и прислал в Тобольск¹⁴.

¹² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 16. Л. 362.

¹³ Там же. Л. 35–36.

¹⁴ Там же. Л. 36–37.

Однако, как сообщил Я. Хрипунову гуляющий человек Сергушка Иванов, уже 10 января в той же съезжей избе Бориско Матвеев в присутствии нескольких человек заявил, что «ведает... он за собою... государево слово». При этом «...не сказал, какое он... государево слово и на кого ведает». Тогда же «Бориско говорил, что Василью де Аргамакову Енисейской острог не в вотчину дан, а хочет де он в Енисейском остроге царить». После чего Б. Матвеев «идучи по острогу улицею» продолжал принародно говорить про известное ему «государево слово»¹⁵.

А 12 января в съезжей избе группа тюменских служилых людей, участников «серебряной» экспедиции, извещала Я. Хрипунова, что «пили они у подьячево у Максима Перфирьева, а с ними пил тобольской сын боярской Борис Толбузин», когда пришел к ним Б. Матвеев и обвинил Б. Толбузина в нерадении государеву делу и получении взятки: «за што он за ... государево дело не стоит – али... посул взял?» И в этот раз Б. Матвеев стал обвинять енисейского воеводу в разных злоупотреблениях, называя его еретиком и изменником. Кроме обвинения в том, что тот устроил себе место «по царски», звучали обвинения и в том, что он отпускает захваченных служилыми людьми тунгусов, которые по рекам «государевых людей побивают», а за них набирает себе из тунгусской молодежи холопов – «в их место емлет себе у тунгусов робят и девок тунгусских и, крестя их, у себя во дворе держит», берет взятки и занимается незаконной торговлей, в том числе запрещенными товарами – «емлет себе посулы великие и продает по землицам иноземцом пансыри и шеломы и сабли и всякими русскими товары и табакком торгует»¹⁶.

О происшедшем тобольские воеводы расспрашивали С. Иванова. Тот сообщил, что когда он был в енисейской съезжей избе, туда пришел Б. Матвеев и начал говорить подьячему Ерофею Квашнину, что воевода Аргамаков хочет его «убить до смерти и вкинуть в воду», и чтобы его енисейцы воеводе убить не дали, сообщает всем, что есть за ним государево слово, но какое слово не говорит. И тогда же говорил Б. Матвеев, что «Василью де Аргамакову

Енисейской острог не в вотчину дан, в Енисейском де ему остроге будет не царить». Именно тогда С. Иванов обо всем этом извещал Я. Хрипунова¹⁷.

Двадцать восьмого марта приехал в Тобольск сам Б. Матвеев. Воеводы устроили ему допрос по отпискам Я. Хрипунова и В. Аргамакова и по расспросным речам С. Иванова. Б. Матвеев все отрицал, заявив, что С. Иванов извещает на него ложно¹⁸. Но 30 марта приехали в Тобольск сын боярский Борис Толбузин и подьячий Панкрат Бабанин, которые ездили в Енисейский острог сыскивать про воровство служилых людей Я. Хрипунова. Воеводы расспросили и их. Б. Толбузин сообщил, что он был приглашен М. Перфирьевым «к себе пива пить». Когда Толбузин зашел в избу к Перфирьеву, то из казенки вышел пьяный Б. Матвеев и начал ему, Бориску, говорить: «присланы де вы в Енисейской острог для сыскнова дела, а за твое государево дело не стоят – Василей де Аргамаков еретик и изменник: продает тунгусским людям сабли и пансыри, а в церкви... устроил себе по-царски место и ставитца по-царски». У М. Перфирьева в это время были в избе И. Репа и тюменские и енисейские служилые люди, всего 6 человек. По приезду в Тобольск Б. Толбузин и сам собирался обо всем происшедшем в Енисейске извещать воевод главного города Сибири¹⁹.

По поводу того, «какое место в Енисейском остроге в церкви, где ставитца Василей Аргамаков, устроено и какими обычай место устроено», Б. Толбузин и П. Бабанин сказали, что «места... в церкви никакова нет, а ставитца... приходя Василей Аргамаков на правой стороне церкви на крыласе потому, что против тово места стоят у нево образы», а слышали они со слов енисейского воеводы, что причиной обустройства этого места был конфликт В. Аргамакова с А. Дубенским: «велел он тот крылас сделать в прошлом 136-м году, потому как ехал... в Качинскую землицу на Красной Яр Ондрей Дубенской, и у нево с ним была брань, и он ево Василья с тово места теснил». «А крылас... зделан у стены забираан доска-

¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 16. Л. 33–34.

¹⁶ Там же. Л. 34–35.

¹⁷ Там же. Л. 38.

¹⁸ Там же. Л. 40.

¹⁹ Там же. Л. 40–41.

ми, а по левую... сторону в церкви крыласа нет»²⁰.

Кроме того, Б. Толбузин и П. Бабанин подали тобольским воеводам «явку» от енисейских служилых людей 43 человек на Б. Матвеева. Восьмого января 1629 г. «пил тот Бориско братчину у подьячево у Максима Перфирьева с служилыми людьми Яковлева полку Хрипунова и напився пьян идучи из братчины лаел их с воеводою с Васильем Аргамаковым». Того же дня сказывал им, енисейским служилым людям, съезжей избы сторож Онтонко Мартынов, что «приходил тот Бориско в съезжую избу пьян с шумом и драл на себе платье и бил себя по щекам и воеводу В. Аргамакова лял заочно и говорил своею затейкою непригожее слово будто де воевода В. Аргамаков сидя в съезжей избе по конец стола называется государем, а они... от воеводы от В. Аргамакова такова слова не слыхали и не ведают». На завтра Б. Матвеев придя в съезжую избу, перед всяких чинов многими людьми запирался, что он ничего такого не говорил. Енисейские служилые люди просят государя их пожаловать, чтобы им «в конец не погибнуть и от царские службы не отбыть и с женами и детьми не разоритца и врознь не разбрестись»²¹.

На основании енисейских отписок, речей Толбузина и по явке енисейских служилых людей тобольские воеводы велели Б. Матвеева пытать. Только «у пытки» десятильник «винился»: когда он приехал в Енисейский острог, то В. Аргамаков «учал в духовные дела вступатца», а его, настаивал Матвеев, велел енисейским стрельцам убить. Поэтому он, Бориска, «по сердцу досажаячи воеводе Василью Аргамакову по недружбе и бояся от него убойства в съезжей избе... государево дело за собою сказывал и такие речи». Во всем признавшись, Б. Матвеев заявил, что все это он «затеял с пьянства» и перед государем виноват. «...А ставитца В. Аргамаков, приходя в церкви на крыласе и поет, а еретиком В. Аргамакова называл с пьянства ж потому, что в Енисейском остроге в церкви Введения Пречистые Богородицы стоит местной образ Пречистые Богородицы, а на той же и<ко>не по полям писаны святые Зосима и Саватей, да Флор и Лавр, Козма и Дамьян

и иные святые. И В. Аргамаков говорил, что де тому образу поклонятца не пристойит, потому что письмо плохое. Опричь де тово на В. Аргамакова никакова еретичества не ведает...»²². Посоветовавшись с архиепископом Макарием, тобольские воеводы Б. Матвеева, а заодно и гулящего С. Иванова «велели дати на крепкие поруки з записми» до государева указу²³. После чего воеводы и архиепископ одновременно и независимо друг от друга постарались сообщить в Приказ Казанского дворца о происшедших событиях.

Первым прибыл в Москву посланец архиепископа Макария приказной человек М. Трубчанинов: отписка на имя царя была доставлена им 20 июля 1629 г.²⁴ Отписка тобольских воевод Алексея Трубецкого и Ивана Волинского и дьяков Семена Сабанина и Емельяна Евсеева была получена в Москве на следующий день, 21 июля 1629 г. Резолюция на обороте первого листа следующая: «Государь слушал и указал того архиепископа сына боярского Бориску Матвейва за его воровство и за ложной извет учинити жестокое наказание – бить по торгам кнутом нещадно, чтоб впредь на то смотря неповадно было иным так воровать забезлежно государю извещати. А учиня наказание отослати к архиепископу»²⁵. Грамота в Тобольск соответствующего содержания была отправлена почти через месяц, только 11 августа 1629 г. В ней принято решение и по С. Иванову: «А гулящева человека Сергунку Иванова выдети из-за порук...»²⁶.

Первые «духовные дела» Енисейского острога, тесно переплетенные с довольно обычными для Сибири XVII в. сыскными делами по обвинению воевод в государственных преступлениях, свидетельствуют о том, что на окраинах новой «государевой вотчины», где государственная власть была еще достаточно слаба, местная администрация, которая должна была являться проводником ее политики, порой своим поведением создавала дополнительный хаос, вынуждая тем самым центральные органы управления выступать в качестве арбитра

²⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 16. Л. 42.

²¹ Там же. Л. 42–44.

²² Там же. Л. 46–48.

²³ Там же. Л. 49.

²⁴ Там же. Л. 282 об., 286.

²⁵ Там же. Л. 33 об.

²⁶ Там же. Л. 50–68.

между своими же представителями и основной массой русского населения.

Список литературы

Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. 401 с.

Бродников А. А. О причинах и последствиях Енисейского бунта 1626 г. // *Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв.* Новосибирск, 2005. С. 11–19.

История Сибири. Л., 1968. Т. 2. 540 с.

Покровский Н. Н. Сибирские материалы XVII–XVIII вв. по «слову и делу государеву» как источник по истории общественного сознания // *Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма.* Новосибирск, 1988. С. 24–61.

Покровский Н. Н. Сибирское дело о десятильниках // *Новые материалы по истории Сибири досоветского периода.* Новосибирск, 1986. С. 146–189.

Материал поступил в редколлегию 25.04.2013

A. A. Brodnikov

THE FIRST «DUKHOVNYE DELA» IN THE YENISEI OSTROG: TO THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP BETWEEN SECULAR AUTHORITY AND CLERGY IN SIBERIA, XVII CENTURY

The paper analyzes two clerical deeds («dukhovnye dela»), that have appeared in the first decade of the Yenisei ostrog. These cases were accompanying accusations against the voivodes when declaring them «words and deeds of the Tsar». The first clerical deed («dukhovnoye delo») has appeared as a result of the charges of second Yenisei voivode A. Oshanin during his conflict with the service people of the Yenisei garrison. The second case, the accusation A. Akinfov of heresy, related to personal relationships between Yenisei voivode and sent from Tobolsk tax collector (desyatilnik) B. Matveyev.

Keywords: Siberia, clerical deeds («dukhovnye dela»), «words and deeds of the Tsar», voivode, service class people, Yenisei ostrog.